РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается под руководством Отделения историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ BOCTOKA

1₍₁₆₎ весна – лето 2012

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

B HOMEPE:

К 125-летию со дня рождения В.А. Иванова

От редколлегии. Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970)	
Б.В. Норик. «Воспоминания» В.А. Иванова в Архиве	
востоковедов ИВР РАН	6
А.И. Колесников. Переписка В.А. Иванова с А. Корбэном (1947–1966)	10
А.А. Хисматулин. В. Иванов об учении Ахл-и Хакк	10
П.В. Башарин. Предания о святом Халладже на Памире	20
в контексте суфийской житийной литературы	20
ПУБЛИКАЦИИ	
$E.И.\ Kычанов$. Документ из тангутского государства Си Ся на китайском языке	24
Н.В. Козырева. Два клинописных текста начала II тыс. до н.э. из Южной Месопотамии, касающиеся городской недвижимости (YOS VIII 153, YOS XII 307)	28
«Диван» курдского поэта XVIII века Ранджури (транскрипция текста, образцы перевода 3.А. Юсуповой)	38
ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ЛИЦАХ	
Медведева Л.Я. (Т.Ю. Евдокимова)	59
Николаева О.С. (В.В. Щепкин)	60
Берлев О.Д. (И.В. Богданов)	62
ИССЛЕДОВАНИЯ	
И.Т. Канева. Вставные предложения (на материале текстов	
новошумерского периода)	64
С.Р. Тохтасьев. Из комментариев к Константину Багрянородному	75
Е.П. Островская. О предмете буддийской философии	87
И.С. Гуревич. Диахронический аспект анализа языка текстов разных жанров с идентичной сюжетной линией (XIV–XVI вв.):	
полученные результаты	97

«Наука» Издательская фирма «Восточная литература» 2012

	ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
	$\it U.B.\ Богданов.\ $ Ливанская древесина $\it hntj-š$ в египетских источниках эпохи Древнего царства	112
	М.И. Воробьева-Десятовская. Академик В.П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках)	132
	C.Л. Бурмистров. Индийские историки философии в XX веке: выбор позиции	138
	Ю.А. Иоаннесян. Понятие «Явителя Божьей воли» в бабизме и религии бахаи	151
	О.К. Мехтиева. Из истории общины бахаи в России и СССР. Воспоминания очевидцев	174
	КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ	
	Я.В. Васильков. Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну	188
	К.М. Богданов. Материалы из коллекции Н.П. Лихачева в собрании ИВР РАН	207
	Т.А. Черная. Карл Иванович Максимович — выдающийся российский «ботанический востоковед» XIX в.	212
	П.П. Муратов. Цикл «Навстречу солнцу»: «Первые дни в Токио» и «Токийская жизнь» (вступительная статья и публикация текста К.Г. Маранджян)	242
	П.С. Тепток. Петербургская рукопись макам ал-'Аббаса и ее «аналог» в Австрийской национальной библиотеке	251
	С.М. Якерсон. Ашкеназская рукопись как часть караимской истории. Об одной уникальной находке в Отделе рукописей и документов ИВР РАН	259
	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
	Б.В. Норик. К 125-летию со дня рождения В.А. Иванова. Вклад русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г.	268
	русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских	268 271
	русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. Е.П. Островская. Пятые востоковедные чтения памяти	
	русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. Е.П. Островская. Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	271
На четвертой сторонке обложки: Изображения растений из	русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. Е.П. Островская. Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга Т.А. Пан. Дальневосточный семинар при ИВР РАН	271 274
	русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. Е.П. Островская. Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга Т.А. Пан. Дальневосточный семинар при ИВР РАН Т.В. Ермакова. Дни П.С. Палласа в г. Палласовка РЕЦЕНЗИИ В.Г. Лысенко. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты]	271 274 276
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в. (к статье Т.А. Черной) Над номером работали:	русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. Е.П. Островская. Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга Т.А. Пан. Дальневосточный семинар при ИВР РАН Т.В. Ермакова. Дни П.С. Палласа в г. Палласовка РЕЦЕНЗИИ В.Г. Лысенко. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (Е.П. Островская) А.А. Непомнящий. Подвижники крымоведения	271 274 276 278
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в. (к статье Т.А. Черной) Над номером работали: Т.А. Аникеева Р.И. Котова А.А. Ковалев	русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. Е.П. Островская. Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга Т.А. Пан. Дальневосточный семинар при ИВР РАН Т.В. Ермакова. Дни П.С. Палласа в г. Палласовка РЕЦЕНЗИИ В.Г. Лысенко. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (Е.П. Островская)	271 274 276
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в. (к статье Т.А. Черной) Над номером работали: Т.А. Аникеева Р.И. Котова	русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. Е.П. Островская. Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга Т.А. Пан. Дальневосточный семинар при ИВР РАН Т.В. Ермакова. Дни П.С. Палласа в г. Палласовка РЕЦЕНЗИИ В.Г. Лысенко. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (Е.П. Островская) А.А. Непомнящий. Подвижники крымоведения (Л.В. Орел) Grażyna Zając. Smutna ojczyzna i ja smutny Kręgi literackie epoki Abdülhamita II w świetle tureckiej autobiografii (Г. Мишкинене) В.А. Ливиши. Парфянская ономастика	271 274 276 278 281
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в. (к статье Т.А. Черной) Над номером работали: Т.А. Аникеева Р.И. Котова А.А. Ковалев О.В. Мажидова О.В. Волкова	русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. Е.П. Островская. Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга Т.А. Пан. Дальневосточный семинар при ИВР РАН Т.В. Ермакова. Дни П.С. Палласа в г. Палласовка РЕЦЕНЗИИ В.Г. Лысенко. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (Е.П. Островская) А.А. Непомнящий. Подвижники крымоведения (Л.В. Орел) Grażyna Zając. Smutna ojczyzna i ja smutny Kręgi literackie epoki Abdülhamita II w świetle tureckiej autobiografii (Г. Мишкинене)	271 274 276 278 281
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в. (к статье Т.А. Черной) Над номером работали: Т.А. Аникеева Р.И. Котова А.А. Ковалев О.В. Мажидова О.В. Волкова И.Г. Ким Н.Н. Щигорева Е.А. Пронина	русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. Е.П. Островская. Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга Т.А. Пан. Дальневосточный семинар при ИВР РАН Т.В. Ермакова. Дни П.С. Палласа в г. Палласовка РЕЦЕНЗИИ В.Г. Лысенко. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (Е.П. Островская) А.А. Непомнящий. Подвижники крымоведения (Л.В. Орел) Grażyna Zając. Smutna ojczyzna i ja smutny Kręgi literackie epoki Abdülhamita II w świetle tureckiej autobiografii (Г. Мишкинене) В.А. Лившиц. Парфянская ономастика (М.И. Воробъева-Десятовская) И.В. Герасимов. История публицистики Судана	271 274 276 278 281 284
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в. (к статье Т.А. Черной) Над номером работали: Т.А. Аникеева Р.И. Котова А.А. Ковалев О.В. Мажидова О.В. Волкова И.Г. Ким Н.Н. Щигорева Е.А. Пронина	русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. Е.П. Островская. Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга Т.А. Пан. Дальневосточный семинар при ИВР РАН Т.В. Ермакова. Дни П.С. Палласа в г. Палласовка РЕЦЕНЗИИ В.Г. Лысенко. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (Е.П. Островская) А.А. Непомнящий. Подвижники крымоведения (Л.В. Орел) Grażyna Zając. Smutna ojczyzna i ja smutny Kręgi literackie epoki Abdülhamita II w świetle tureckiej autobiografii (Г. Мишкинене) В.А. Лившиц. Парфянская ономастика (М.И. Воробъева-Десятовская) И.В. Герасимов. История публицистики Судана (О.Б. Фролова)	271 274 276 278 281 284 286

О.К. Мехтиева

Из истории общины бахаи в России и СССР. Воспоминания очевидцев

В статье собраны воспоминания очевидцев о событиях, связанных с возникновением и существованием первой в мире за пределами Ирана организованной общины бахаи, появившейся в конце XIX в. в г. Ашхабаде. Немалое место в статье уделено судьбе воздвигнутого на этой земле по проекту русского архитектора М.А. Волкова и снесенного в 60-е годы XIX в. первого в мире храма бахаи, и верующим, пострадавшим от репрессий.

Ключевые слова: ашхабадская община бахаи, религия бахаи, первый храм бахаи, Дом поклонения, *Машрикуль-Азкар*.

Машрикуль-Азкар²

Самой молодой, но самой распространенной по странам мира вере в единого Бога лишь 167 лет (на 2011 год). Признавая всех Явителей Божьих³ на земле, она в вечной и неизменной последовательности откровений предлагает человечеству новую независимую веру бахаи, главные принципы которой — единство мира, единство наций, единство науки и религии. Бахаи считают, что знание божественных истин и законов дается человечеству постепенно, по мере развития: от коллективного детства через отрочество. Из завязи появляется цветок, а из цветка — плод. Однако ни религия бахаи, ни следующая за ней не представляют и не будут представлять собой окончательной истины. Религия есть единственная истина для конкретного времени, но не есть истина окончательная, последний вариант законов для постоянно развивающегося человечества. Она является лишь частью единой, находящейся в развитии непреходящей религии Божьей. И нет у нее ни начала, ни конца. Бог посылал и будет посылать все новых Явителей, именами которых будут названы новые эры.

Я знала о новой всемирной религии очень немногое, к сожалению как и многие еще сейчас. Только то, что в ашхабадском храме бахаи *Машрикуль-Азка́ре* работал садовником мой дед Али Акпер, которого видела лишь на единственном фото, бережно хранимом в нашем семейном альбоме. Он изображен там вместе с бабушкой, настолько доброй по виду старушкой, что у меня до сих пор сжимается сердце от тоски, что не пришлось быть ею приласканной. Только в 90-х годах поняла, что во многих ашхабадских, да что там, и в азербайджанских, грузинских, таджикских семьях хранятся фотографии таких же неувиденных дедушек и бабушек — последователей религии бахаи.

 $^{^{1}}$ К сожалению, ни отечественные, ни зарубежные источники не приводят инициалы этого архитектора.

² Машрикуль-Азкар — буквальное значение этого слова автор поясняет ниже, на русский язык переводится как «Дом поклонения» (ср. англ. "House of worship"), так называются храмы бахаи, первый из которых появился в Российской империи, в Ашхабаде.

³ Явитель Божьей Воли или Явитель Бога/Божий — так именуются в религии бахаи пророки—основатели религий мира, последним из которых считается Бахаулла, основатель веры бахаи.

Закладка первого камня в основание храма с Суботичем

Рабочие с Афнаном (потомком Баба) на строительстве храма

Реконструировать жизнь Ашхабада начала века, узнать подробности о роли Дома поклонения (так называют свой храм бахаи) в жизни города мне помогли исторические факты из материалов первого периодического издания бахаи, журнала «Хоршиде Ховар» («Солнце Востока»), рассказы иранских бахаи, возвратившихся из-за рубежа после длительной иммиграции. На мониторе моего лаптопа десятки бесценных архивных фотографий. Многие из них собирал германский бахаи Фариборз Каземзаде, потомок первых переселенцев в Ашхабад. Рассказывая о своих корнях, он повествовал о первых делах бахаи на ашхабадской земле, о том, что «хаджи мирза сиййид Хасан, брат жены Баба⁵, известный среди бахаи как "Афнан⁶ великий", после того как в 1881–1882 гг. побывал в Акке у Бахауллы⁷, передал своему сыну в Йезде сиййиду Ахмаду-афнану желание Главы веры купить землю в Ашхабаде. Тот нашел ответственное лицо, своего земляка хаджи Мухаммада Казем Исфахани, то есть моего прадеда, который помог осуществить намеченное важное дело. Покупку совершил его брат из иранского города Кучан хаджи Абдул Хусейн...» (из личной переписки автора с Фариборзом Каземзаде). Так во владении общины бахаи появилась земля в Туркестане — окраине Российской империи, в новом городе, основанном русскими солдатами на месте старинного туркменского поселения. Там стали обживаться приверженцы новой веры, которых преследовали власти Ирана. Для них дорога из Бадж-Герана в Асхабад (иранцы называли его Ишк) означала избавление от террора и насилия, надежду на новую счастливую жизнь. Переселенцы-бахаи (их тоже стали называть мухаджирами) находили себе место для проживания и в других городах на линии Закаспийской железной дороги — Мары, Чарджоу, Ташкенте, Самарканде. Много бахаи обосновалось недалеко от Кушки, в поселке Тахта-Базар. Бахаи селились и создавали общины в Баку, Ереване, Тифлисе.

В Ашхабаде к 1890 г. численность переселенцев достигла почти 10% от всего населения. Количество бахаи, тогда их еще называли «баби» или «бабиты»⁹, постепенно возрастало. Уже в 1895 г. в Ашхабаде были проведены выборы первого состава местного руководящего органа бахаи, который впоследствии стал называться Духовным собранием. Развилась сильная, независимая и сплоченная религиозная община, ставшая одной из важнейших духовных и социальных сил в городе. Переселенцы обрели материальное благосостояние. Некоторые стали уважаемыми купцами и коммерсантами, другие владели обширными землями.

С 1902 г. стала воплощаться мечта бахаи о храме, так называемом Доме поклонения, который весь мир бахаи сейчас помнит как первый *Машрикуль-Азкар* (с араб. «Место восхода хвалы [Божьей]»). На архивном фото я вижу русского генераллейтенанта Деана Ивановича Суботича. В 1900–1902 гг. он командовал Вторым Туркестанским армейским корпусом и был начальником Закаспийской области. По воспоминаниям писателя В. Яна, «Суботич внезапно выезжал на ревизии и был беспо-

⁴ См. прим. 1.

⁵ Баб (Али Мухаммад Ширази) — основатель бабизма, вероучения, предшествовавшего зарождению религии бахаи и на почве которого возникла эта религия. Баб почитается бахаи как «Предтеча пророка Бахауллы».

⁶ Термином «Афнан» (букв. «ветви») именуются потомки и родственники Баба, так же как термин «Агсан» с таким же значением прилагается к потомкам Бахауллы.

⁷ В палестинском городе Акка (Акко), по решению властей Османской империи, вначале отбывал заключение, а затем пожизненную ссылку Бахаулла.

⁸ Т.е. веры бахаи

⁹ «Бабидами» или «бабитами» в конце XIX и начале XX в. в дореволюционной России традиционно называли бахаи, перенеся на них название их предшественников, хотя уже в то время этот термин представлял собой анахронизм.

щаден в наказаниях и взысканиях за факты притеснения населения, налагаемых им на провинившихся приставов и всяческих других начальников — любителей поживиться, получая "подарки" от подчиненных и зависимых от них...» (Ян, с. 393). Этот начальник Закаспийской области, представитель русского царя, на архивном фото заснят при закладке первого камня будущего храма бахаи. С ним рядом на фото родственники Баба. Я часто садилась на скамейку в сквере в центре Ашхабада и устремляла взор туда, где, по моим расчетам, век назад каменщики поднимали фундамент, возводили стены, арочные проемы будущего Дома поклонения. За ними с любопытством наблюдали горожане: все-таки чужие люди, непривычного облика, да еще иноверцы. Представители же других конфессий следили, чтобы бабиды не подняли купол выше их храмов. Офицеры часто заговаривали с иранцами, практикуясь в персидском, среди них были выпускники курсов восточных языков, как, например, А.Г. Туманский, который в своей статье «Два последних бабидских откровения» так описал свои первые впечатления: «Приехав в Асхабад 29 июня 1890 г., я с легкостью познакомился с самыми интересными из бабидов. Благодаря своему достойному образу жизни, они приняты русскими как нельзя лучше. Некоторые из более зажиточных бабидов состоят даже постоянными членами городского общественного собрания. Поэтому знакомство с ними не представило ни малейшей трудности» (Туманский, с. 314-315). А.Г. Туманский стал крупным исследователем веры бахаи, ему принадлежит первый русский перевод «Наисвятой Книги» (Китаб-и Акдас)¹⁰.

Осеннее солнце сквозь листву деревьев оставляет на асфальте такие же кружевные тени, как и французские зонтики местных дам начала века, направлявшихся мимо экзотического здания в соседний офицерский парк. С ними раскланивался высокий, судя по фото, в длинном сюртуке и модной тогда феске, с тростью в руках интеллигентный восточный человек — архитектор Али Акпер. Из статьи в журнале «Хоршиде ховар» известен и устад, то есть строитель, Мухаммад Риза Банна, он занимался непосредственно организацией работ... На фото — отделочники, которые старались украсить интерьер элементами самого изысканного персидского декора. Восточный колорит. В других местах потом будут строить совсем иные Машрикуль-Азкары, но каждый храм (а они есть на каждом континенте), будучи «вписан» в местную культуру, сохраняет девять входов и три архитектурные ступени, характеризующие администрацию бахаи. И все чаще их теперь называют «храмами религий».

К 1921 г. было закончено прекрасное двухъярусное здание под железным куполом, с двумя высокими минаретами и девятью входами с девятью колоннами, девятью пролетами и девятью садами. Таким его и наметил Абдул-Баха¹¹ — преемник основателя веры бахаи, полностью доверив все дела по его возведению Хаджи Мирзе Мухаммаду-Таги из Йезда.

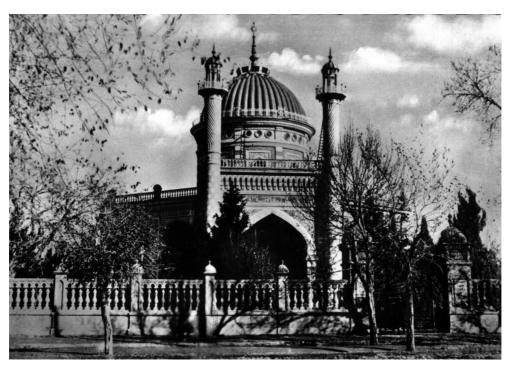
По аллеям ухоженного сада расхаживали павлины. Бахаи из Ирана в память о Бахаулле везли с собой саженцы особого сорта черных роз, которые прижились в цветниках храма... «Черная роза — эмблема печали... Черная роза — эмблема любви». Иранцы тогда привнесли моду на садовые беседки и маленькие, вычурной формы бассейны с золотыми рыбками. Они украшали *Машрикуль-Азкар* и дома бахаи. Наверное, последний такой бассейн сохранился во дворе дома моих близких друзей Сейфуллаевых, потомков первых переселенцев из Йезда, шестерых братьев—строителей храма. Судьба этой семьи, как капля воды — бурный океан, отражает трудные годы становления веры бахаи в Ашхабаде.

 $^{^{10}}$ «Наисвятая Книга» — важнейшая из священных Книг религии бахаи.

¹¹ Абдул-Баха (1844–1921) — сын основателя религии бахаи, духовный глава общины после смерти своего отца (1892–1921).

Храм в лесах. Строительство идет полным ходом

Храм

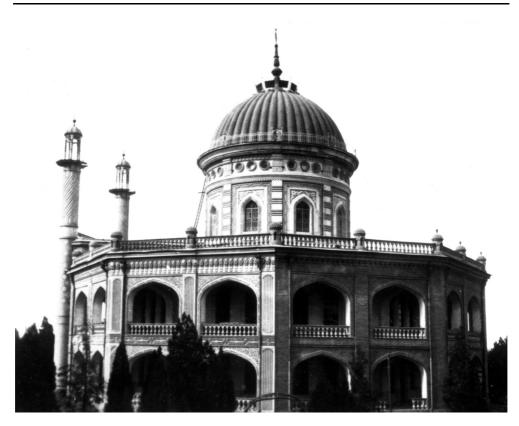
На фото тех лет, полученном недавно из Германии, я узнала в худом ушастом мальчугане своего отца. На полу, на скамейках и стоя — дети разных национальностей, а судя по одежде, и из семей разного достатка. Среди них учитель, своим благообразным видом очень напоминающий чеховского интеллектуала. С того момента прошло много лет, прежде чем в нашем семейном альбоме стали появляться фото, где, наоборот, мой, уже представительный отец сидит среди своих смуглых сельских учеников. Обширные познания отца в восточных языках и истории были заложены в общине, где тогда работали две школы, библиотека и читальня. Бахаи добились грамотности всех своих членов. Было два детских сада. На лето ребятишек отправляли на отдых и лечение в живописные и прохладные места Башкирии. Бахаи определяли особый ритм жизни многонационального города и даже его облик. В возведении памятника великому русскому поэту А.С. Пушкину, как и в других важных делах городской культуры, активное участие принимали ашхабадские бахаи. Переселенцы строили не только храм. Мастера-иранцы возводили общественные здания и прекрасные особняки, увитые виноградом.

В Ашхабаде 30-х годов было уже около 5 тысяч бахаи, когда в других странах мира было всего лишь с сотню представителей новой религии. Приветствие бахаи «Аллаху Абха!» («Бог Всеславный!») слышалось постоянно на улицах нашего города с очень раннего утра, когда единоверцы шли в *Машрикуль-Азкар* на молитву. Вспоминает уроженка Ашхабада Шамси-ханум: «Я была совсем маленькой девочкой, когда мой отец-мусульманин принял веру бахаи. А вслед за ним и мать. С тех пор отец каждое утро, в пять-шесть часов водил меня и других детей в храм на молитву, а потом мы возвращались домой и расходились, кто на работу, кто в школу. Вместе с родителями мы посещали *Машрикуль-Азкар* и в святые дни, и в праздники девятнадцатого дня¹². Молитвенные собрания в очень красивом саду были радостными встречами ашхабадцев...». С четырех утра двери Дома поклонения были открыты всем, независимо от цвета кожи и вероисповедания, ведь, как говорил Бахаулла, «все мы плоды одного древа...». Однако пробудившийся тогда на одной шестой части суши воинствующий атеизм свел новое Божие откровение к очередному «средству одурманивания трудящихся».

Судьба мухаджиров

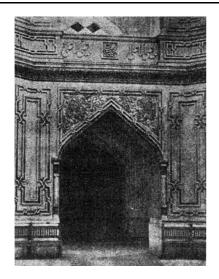
«Солдаты НКВД окружили со всех сторон сад Машрикуль-Азкара, где в это время находились только несколько женщин, я, пятилетний мальчик, и моя бабушка Сограханум, хранительница большого ключа, которым она каждый день в четыре часа утра открывала главные двери Машрикуль-Азкара на утреннюю молитву. За ключом-то и пришли тогда представители НКВД. Они унесли его, предварительно обстучав все стены храма и других зданий, забрав в мешках книги из нашей богатой библиотеки. Они запретили бахаи собираться на рассветную молитву», — вспоминает вернувшийся уже несколько лет назад из Америки в родной город архитектор Атаулла Бахшандеги, который до мельчайших подробностей помнит все печальные обстоятельства закрытия храма. История с книгами из храма через полвека получила удивительное, почти мистическое продолжение. Мы вспомним об этом. А тогда, в 1930-е годы события развивались следующим образом. Храм превратили в светское учреждение, там разместил свои экспозиции Государственный музей изобразительных искусств

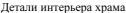
¹² В духовной практике общин бахаи выделяются «Святые дни» (посвящены определенным значимым историческим датам) и «Праздники 19-го дня» (проводятся в начале каждого месяца календаря бахаи, месяц состоит из 19 дней).

Храм

Туркменской ССР. На архивном фото видно, как в центре ашхабадского Машрикуль-Азкара стоит на постаменте прекрасная в своей обнаженности мраморная Родогунда. В Ашхабаде тогда закрыли молитвенные дома и храмы других религиозных течений. Только на фото сохранились украшавшие город своей архитектурой римско-католический собор, немецкая кирка, Воскресенский собор, мечеть, превращенная в 1941 г. в Театр оперы и балета, а недавно разрушенная до основания. Аресты и депортации коснулись многих верующих. Иранцев заставили покидать Ашхабад. «...Тактика ограничений и медленного удушения продолжалась до 1937 г., когда правительство, по неизвестным мне причинам, ввело новый элемент в свою программу вытеснения бахаи из страны. Оно отказалось возобновлять их прописку. Когда, согласно действующим нормам, они обратились в Министерство иностранных дел с просьбой продлить их прописку, взамен они получили разрешение на выезд, которое позволяло им остаться в Советском Союзе всего на несколько дней. В общине бахаи это вызвало смятение и тревогу. Таким образом, менее чем за год все персидские бахаи, проживавшие в Советском Союзе, были, по сути, высланы из страны, хотя внешне все выглядело так, будто они сами попросили разрешения уехать... Когда женщины-бахаи покидали Ашхабад, их имущество состояло из нескольких платьев, нескольких наборов постельного белья, самовара, швейной машинки, железной кровати и граммофона. Таков был их капитал в день, когда их высылали вместе с маленькими детьми в Иран, в то время как их мужья и родственники шли по этапу в Сибирь...» — вспоминал

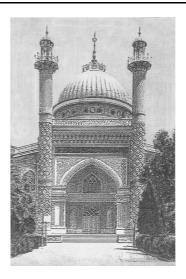

Фото храма

Асадулла Ализаде, один из выживших в ссылке, автор книги «Годы молчания бахаи в СССР» (Ализаде, с. 11, 28). Среди ночи «люди в кожанках» забрали учителя Г. Годси-Кочарлинского. То был аристократ из богатой бакинской семьи, но родные отказались от него, узнав, что Гусейн-бек принял веру бахаи. В Ашхабаде юноша нашел и новую семью, и новых друзей-единоверцев, и работу в школе при Машрикуль-Азкаре. Преподавал русский язык и совершенно новый в те времена предмет сравнительную историю мировых религий. Рассказывают, его дом был похож на большую библиотеку. После того как его посадили в тюрьму, никто больше никогда о нем не слышал. Однако до сих пор во многих странах мира его помнят те, кому в далеком Ашхабаде он рассказывал о божественных законах развития человеческого общества. Только через многие десятилетия основы этой философско-религиозной науки стали доступны нам. Почти всех ашхабадцев иранского происхождения прогнали через тюрьмы. Заключенных было много, но каждую ночь привозили все новых и новых. Потом многих иранцев на основании решения Верховного Совета СССР, который посчитал их «вредными элементами», отправили по этапу в северную часть Казахстана. «Человеческие существа задуманы как венец творения и наиболее благородные из всех созданий. У них есть возможность стать олицетворениями благочестия, их сердца могли бы стать престолом Божией славы и отражать небесные качества. Чего я не могу понять, так это каким образом существа, принадлежащие к роду людскому, столь возвышенные в потенциале, могут оказаться в такой степени поражены болезнью безбожия и окутаны завесами безразличия к окружающим, что начинают совершенно игнорировать все принципы и позволяют себе превратиться в жутких кровожадных монстров, по сравнению с которыми самые свирепые из животных кажутся воплощениями разума и доброты?» — так писал в своей книге Асадулла Ализаде (Ализаде, с. 39). Он вспоминал, что перед отправкой на вокзал машина с заключенными бахаи случайно проходила мимо Машрикуль-Азкара и затормозила из-за неисправности. Так Провидением были подарены сосланным в Сибирь минуты для прощания с храмом. Вспоминает о тех днях и Амине-ханум, жена А. Бахшандеги, которая с мужем после долгих лет эмиграции возвратилась из Америки в родной Ашхабад. Она рассказывает: «Мне был год, когда отца посадили в ашхабад-

Женский комитет бахаи

Групповой снимок

скую тюрьму, а нам с мамой сказали собираться и ехать в Иран. Но она, молодая женщина, не в силах была вынести разлуку с мужем, которого после тюрьмы отправили на север Казахстана. Она рискнула поехать со мной на руках вслед за папой в ссылку в Павлодар и дальше по маленьким холодным поселкам...». Мама Аминеханум не раз приезжала в Ашхабад из Ирана. Ей уже более 90 лет, но какая-то сила не дает покоя, заставляя вспоминать, еще и еще раз, дни молодости, когда даже силы НКВД не смогли задушить нежный росток ее любви. Знаменательно! Именно в тех городах Казахстана, где когда-то страдали сосланные бахаи, в наши дни начался интенсивный рост приверженцев новой веры. Тех, у кого заканчивался срок ссылки, из Казахстана прямиком отправляли в Иран. Мои родители рассказывали, как сумели хоть что-то передать с собой семье моей тети. Этим «что-то» была единственная ценность нашей семьи — швейная машинка. Вырученные за нее деньги помогли род-

Детский сад (бахаи)

Возвращение из мест заключения

ственникам в новых скитаниях, на этот раз американских, ведь в Иране им жить не разрешили. Вспомним и сейида Мехти Гольпайгони, основателя и редактора журнала «Хоршиде Ховар», который не вынес надругательства над ашхабадским храмом бахаи и поехал в Москву, чтобы убедить правительство в несправедливости затеянного разгрома. Он ничего не добился, возвратился тяжело больным, его забрали в тюрьму и выпустили перед смертью. Одна осталась его жена Сакине-ханум, которую все любили и, обращаясь, стали называли Биби, т.е. сестра. Именно от нее через мою маму, с которой Биби-ханум делилась воспоминаниями, я имею яркое представление,

что собой являл Ашхабад первых годов ХХ в. Новое о Биби-ханум, о своем детстве в Иране вспоминает ее внук, архитектор Фариборз Сахба, автор знаменитого Дома поклонения — Машрикуль-Азкара в Дели, известного во всем мире как храм Лотос: «Иногда мы замечали, что мать прячет от нас какой-то лист бумаги, и при этом глаза ее полны слез. Впоследствии мы узнавали, что прибыло письмо от нашей бабушки из Ашхабада. Через несколько дней мать восстанавливала свои силы и, загоревшись надеждой и энергией, начинала говорить о том дне, когда двери Ашхабада откроются и Божии пророчества исполнятся, и что бабушка уже почти ослепла и ничего не видит, но все равно не хочет покидать Ашхабад. Мы ничего не могли понять. Мы упорно задавали один и тот же вопрос: «Все ее дочери в Иране, оба ее сына погибли один под пытками в тюрьме, другой — при землетрясении. У нее в Ашхабаде никого нет. Почему она не уезжает?». Преисполнившись духовного восторга, с чувством искренней гордости она отвечала: «Если только мать не вынудят покинуть Ашхабад, она никогда не сделает этого. Она подчиняется наставлениям возлюбленного Хранителя, который увещевал пионеров не покидать свои пионерские посты» (Ализаде, с. 5). Биби-ханум достигла своего сердечного желания. Она была похоронена, как и ее знаменитый муж, в городе Ишк, т.е. в Ашхабаде.

Редкую историю с хорошим завершением рассказала Рухангиз Талибова о своем отце бахаи Гуламе Али Гасанове, который пробыл на лесоповале за Воркутой вместо назначенных 10 лет только два года. За прилежание, хорошее поведение или по «доброте сердечной» ему дали буханку хлеба, мороженой рыбы и, открыв ворота, выпустили на свободу. Предстояло 400 километров шагать по зимнику до Воркуты. Шел, просил защиты у Бахауллы и добрался без денег до Баку, а через море — до Ашхабада, а потом и до Мары, где его ждала семья. Там по какой-то причине о нем забыли «энкавэдешники».

Многие, совсем молодые, в том числе и мой отец, получили советские документы, разрешение учиться, но машина репрессий и на них оставила неизгладимые следы. Отцу, даже после недолгого пребывания в тюрьме, все время казалось, что посреди ночи «уполномоченные» в кожаных куртках внезапно придут в наш дом, погрузят всех в грузовик и депортируют в ближайший иранский город, как это на его памяти происходило со многими ашхабадцами иранского происхождения. Помню, родители боялись говорить об Иране открыто, но мы, дети, знали, что, закрыв двери комнаты, отец слушал по приемнику «свое» радио — молитвы иранских бахаи, может быть даже в исполнении своих, тех, кто возвратился в годы репрессий из Ашхабада в иранский Йезд. От них через годы получили запоздавшую на много десятилетий фотовесточку. Как-то в Йезде собрались все бывшие ашхабадцы вместе для фото у здания Центра бахаи. Вот они, не увиденные нами в детстве дедушки и бабушки.

Друзья искали на фотоснимке своих родных. Я сразу узнала дедушку. Он такой же, как на нашей единственной семейной фотографии. Сумрачное лицо, характерные складки у рта, печальные глаза. Конечно же, сильно переживал за сына, оставшегося в Ашхабаде без всякой связи с родными. Однако даже в таких мучительных страданиях бахаи никогда не утрачивали надежду на то, что однажды граница откроется и семьи воссоединятся. Но... ашхабадская община была запрещена. Подпольной деятельности не могло быть, так как бахаи не противятся законам того государства, на территории которого живут представители общины. А в 1963 г., подложив под фундамент тротил, остатки первого в мире Машрикуль-Азкара взорвали. Взорвали то, что пощадила злая стихия, землетрясение 1948 года — полуобвалившиеся стены, которые поднимали к небу зеленый купол храма бахаи. Со своими школьными друзьями мы издали наблюдали момент взрыва. Дрогнула земля, купол еще долго

висел в воздухе. Звук от его падения был сильнее, чем взрыв. Вверх пополз гриб пыли. Врач «скорой помощи» Карахан Караев через много лет вспоминал: «В тот день после полудня очень много вызовов к тем, кто был в толпе при "казни" храма бахаи. "Сердечные" лекарства понадобились многим пожилым людям. Я делал инъекции, давал лекарства и наблюдал... Поистине, весь город был в трауре...».

Трагическое положение иранцев круто изменило и судьбу ашхабадца Али Акпера Наджи. Студента ленинградского вуза, как и других молодых иранцев, его сорвали с учебы и отправили в ссылку в Магадан. И золото мыл, и фотографом был, и хлебопеком. Родителей вынудили уехать из Ашхабада в Иран. Оттуда, не выдержав отсутствия вестей о ссыльном сыне, они поехали в Хайфу к Шоги Эффенди, правнуку Бахауллы и Хранителю Веры¹³. Они увидели его издали в группе людей, но стеснялись подойти. Когда же Хранитель Веры поравнялся с ними, то сразу обратился с фразой, которая дала семье надежду: «Я знаю, зачем вы приехали, отправляйтесь домой, он вернется...». Из 18-летней ссылки Али Акпер возвратился в Туркмению. На календаре был 1956 год, политическая ситуация изменилась, и бахаи уже не разрешали уезжать к родным в Иран. Провидением Наджи была уготована особая роль. Именно усердием этого мужественного и целеустремленного человека была восстановлена община в Ашхабаде в годы перестройки. Али Акпера Наджи уже нет с нами, но его незыблемую веру в великие дела бахаи во имя процветания мира наследовали его дети, внуки. История человеческой цивилизации уже давно дала урок — ничего в мире не исчезает бесследно. Так случилось и с ашхабадским Домом поклонения. От святыни новой Веры, которая уже пробила свои ростки и дала всходы во всем мире, советская власть предпочитала не оставить и камня. Однако в последнее время стала появляться информация о хранящихся где-то фрагментах дизайна храма, резной деревянной двери. Поиски продолжаются. Найдется и тот большой ключ от входных дверей храма, который унесли с собой сотрудники НКВД. Ашхабадский центр бахаи хранит одну из девяти пластин священной надписи с низвергнутого купола храма, финансовые документы, подписанные Абдул-Баха, преемником Главы Веры, выпуски журналов «Хоршиде Ховар», старые книги, одна с печатью библиотеки бахаи, существовавшей когда-то в дальнем от центра туркменском поселке Тахта-базар, редкие фотоснимки Машрикуль-Азкара, а также отдельные портреты первых бахаи. Знаменательно, ашхабадки-бахаи той давней поры — с открытыми ясными лицами, без мусульманского платка. Некоторых я даже помню, но уже очень старенькими и больными. Однако даже такая пожухлая телесная оболочка не могла скрыть их молодых душ и добрых сердец, проникновенной вежливости, стремления к справедливости, честности — этих и еще очень многих других положительных качеств. Асадулла Ализаде в книге «Годы молчания — бахаи в СССР» тоже описывает, что преданные, искренние, светлые, исполненные энтузиазма активные верующие были совершенным примером скромности, терпения, стойкости, невозмутимости и преданности. Традиция воспитания бахаи сегодня, в переходный период глубокого преобразования человеческого общества, возродилась в детских классах и подростковых группах общины.

В 1990-е годы вернулась из Америки в родной город и Шамси Седагат, семья которой, когда она была еще малолетней девочкой, вынуждена была покинуть Ашхабад. Шамси-ханум побывала в 75 странах мира, выучила 6 языков. Где бы ни жила, везде трудилась. Акушерка, она приняла около 2000 детей на Кипре, в Тринидаде и Тобаго, в Америке, Африке. Но гораздо больше тех, кто благодаря ей родился заново духовно. Как только появилась первая возможность, с женой Джашние-ханум при-

¹³ Шоги Эффенди («Хранитель Веры») был духовным главой всемирной общины бахаи после смерти Абдул-Баха (1921–1957).

ехал в Ашхабад друг юных лет моего отца Исмаил Забейхи и потом другие бахаи ашхабадских корней. Туркменистан посетила в 1993 г. мадам Рухие Рабани — вдова Хранителя Веры Шоги Эфенди, правнука Бахауллы. Власти прониклись особым уважением к высокочтимой бахаи, ее приняли в Меджлисе, дали возможность всем собравшимся в здании Русского театра поговорить с почетной гостьей. Все эти личности послужили духовной закваской для возрождения ашхабадской общины. Ашхабадская община бахаи, ядро которой в годы становления состояло в основном из иранцев, сегодня расширяется за счет новых верующих из числа местного населения — туркмен, русских, украинцев, казахов.

Хасан Пишру — иранский коммунист, испытавший на родине все тяготы политической дискриминации, ученый-энциклопедист, переводчик, поэт, в Ашхабаде после долгой карантинной изоляции с трудом получил работу в государственной библиотеке. Новичку поручили для начала разобрать непонятные иностранные книги в мешках. Читая старые персидские тексты, атеист наткнулся на религиозные книги — творения Бахауллы. Иранский коммунист стал ашхабадским бахаи, учителем тех, кто сгруппировался вокруг него. Силой божественного провидения книги оказались на нужном месте, в нужное время, в руках нужного человека. Изучение произведений Бахауллы не могло привести к иному результату. Сейчас трудно уточнить, откуда появились книги бахаи в мешках в подземном хранилище госбиблиотеки. Возможно, их принесли сюда из подвалов КГБ — восприемника НКВД, арестовавшего книги в то памятное летнее утро 1938 г. Хотя возможны были и другие их пути в книгохранилище. Тем не менее теперь национальная библиотека Туркменистана может гордиться духовными реликвиями — литературой бахаи. Действительно, неисповедимы пути Создателя!

Где высился над городскими строениями купол *Машрикуль-Азкара*, теперь установлен памятник великому туркменскому поэту-пророку Махтумкули Фраги, в стихах предсказавшему приход Явителя новой Веры. Но немногие знают о таком факте. И не всякий знает, что этот сквер — одно из важных мест духовной истории нашей пивилизапии.

В цветущий сад превратился уголок старого ашхабадского кладбища, где упокоились бахаи, известные своим вкладом в становление Веры. Это апостолы Бахауллы — Набиль Акбар и его племянник шейх Мухаммад Али Гаэни. Там прах сестры высокочтимого человека, которого мир бахаи помнит под именем Баб-уль-Баб¹⁴. Ее брат молла Хусейн первым признал и принял веру Баба и стал Его учеником. Там похоронен и мирза Хусейн Занжони, который сидел в Тегеране в ужасной тюрьмеяме Сияхчаль вместе с Бахауллой. Здесь захоронен убитый в Ашхабаде мусульманами ходжа Мухаммад Реза Исфагани¹⁵. Суд над фанатиками-гонителями приверженцев религии бахаи явился беспрецедентным событием в истории мирового признания новой Веры. На одной могильной плите прочли: «Хаджи Мухаммад Казем Исфагани» — имя одного из первых мухаджиров, прапрадеда друга бахаи из Германии. Известно, что где-то рядом с кладбишем бахаи был похоронен с большими почестями русский военный архитектор Волков, который воплотил в чертежах идеи Абдул-Баха по воздвижению первого Машрикуль-Азкара. Могила почитаемого человека будет найдена. По укоренившейся уже традиции кладбище (у иранских бахаи кладбище вместо привычного для персов слова гурестан — «место могил» называется голестан — «цветник») засажено кустами роз...

¹⁴ Мулла Хусайн (Молла Хосейн) — первый, кто уверовал в Баба и стал бабидом. Баб пожаловал ему титул «Баб-уль-Абваб» — «Врата Врат».

¹⁵ См. его историю, написанную А. Гульпайгани, в пер. Ю.А. Иоаннесяна (Иоаннесян, с. 34–58).

Такова история первой, организованной за пределами Ирана ашхабадской общины бахаи, зародившейся еще при жизни Бахауллы, получившей официальное признание в России, общины, где произошли важнейшие эпизоды развития новой всемирной религии, послужившей прообразом для общин бахаи везде в мире. Сегодня в мире насчитывается примерно 8 миллионов бахаи.

Литература

Ализаде А. Годы молчания. Бахаи в СССР, 1938–1946 гг. Пер. с английского В. Чупина (электр. вариант). http://chupin.ru/library/index.htm#Years of Silence

Иоаннесян Ю.А. История мученичества Хаджи Мухаммада Ризы Исфахани в Ашхабаде // Письменные памятники Востока 2009, № 1(10). С. 34–58.

Туманский А.Г. Два последних бабидских откровения см. ор., персидск.) // ЗВОРАО. Т. 6, 1891. СПб., 1892.

Хоршиде Ховар («Солнце Востока»). Ашхабад, 1928, № 8.

Ян В. «На крыльях мужества». Путевые заметки. Голубые дали Азии. М.: Правда, 1988.

Summary

O.Q. Mehtiyeva

From the History of the Baha'i Community in Russia and the USSR. Eye-Witness Memoires

The article presents eye-witness accounts of some events related to the birth and existence of the first organized Baha'i community in the world which originated outside of Iran in the 19th century in Ashkhabad. A prominent place in the article is accorded to the fate of the first Baha'i temple in the world designed by the Russian architect Volkov which was raised in that land and demolished in the 60s of the 20th century as well as to Baha'i believers who fell victim to repressions.